

Узбекистане, узбекского в Таджикистане, украинского в Молдавии. Опять-таки можно предвидеть сильного оппонента такой меры – это титульная интеллигенция в каждом из перечисленных государств.

Еще одна рекомендация – пропорциональная этническая представленность в центральных органах государств и автономий. Этот принцип уже законодательно закреплен, скажем, в Кабардино-Балкарии и Дагестане. Но не приведет ли он к практической непредставленности титульной нации в Хакасии или Карелии? Как воспримут его башкиры, удмурты, буряты? К пропорциональности, безусловно, нужно стремиться, но сами пропорции будут нуждаться в коррекции, которую можно достичь только путем консенсуса или общественной договоренности, но отнюдь не законодательным путем.

Ряд других предложений (поддержка межэтнических коалиций, объединенных иными, нежели этнические, интересами, меры по повышению жизненного уровня этнических сельских анклавов, уменьшение диспропорций в уровне жизни разных этнических групп, защита малых общин, в особенности северных народностей, и т.д.) по существу тождественны политике «аффирмативных действий», которая с успехом практикуется в США и заслуживает всяческого одобрения, равно как и чрезвычайно важный тезис о развитии и усилении местного самоуправления. Наконец, недостаток места мешает рассмотреть здесь в деталях предложения по оздоровлению ситуации в случае назревающего конфликта и по облегчению выхода из него, но я рекомендовал бы читателям – и прежде всего лицам, наделенным властью, – внимательно ознакомиться с ними.

Круг вопросов, связанных с ролью этнических факторов в распаде СССР и с перспективами развития межэтнических взаимоотношений в постсоветском пространстве, поистине безграничен и неисчерпаем, и нет сомнения, что труды, посвященные этой актуальнейшей теме, будут и впредь публиковаться в немалом числе. Однако на сегодня две книги, рассмотренные в этой статье, труды А.М. Хазанова и В.А. Тишкова, столь внешне похожие и столь разные по содержанию, столь удачно взаимно дополняющие друг друга, являются высшим достижением научной политико-аналитической мысли по всему комплексу тем поздней и постсоветской этнополитической реальности.

Примечания

¹ Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993; The Nationalities Question in the Soviet Union. L., 1990; *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

² Ленин В.И. Письмо к Троцкому // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

³ *Shnirelman V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington; Baltimore, 1996; *Шнирельман В.А.* Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. 1995. № 6; *его же.* Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. № 5; *его же.* Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998. № 1.

С.А. Арутюнов

© 1998 г., ЭО, № 5

K. Y l ö n e n. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä // Kirkon Tutkimuskeskus. Sarja A. № 70. Jyväskylä, 1997. 434 s.

В последние десятилетия в Финляндии вышло в свет немало работ, посвященных так называемым ингерманландским финнам – российским финнам, веками жившим на южном побережье Финского залива и на Карельском перешейке. В исследованиях рассматриваются история формирования финских поселений на этой территории, исторические судьбы данной этнической группы финнов, их традиционная культура, современное положение. Значительное внимание уделяется также истории и современному положению Ингерманландской церкви. Среди трудов, посвященных этому вопросу, особый интерес, по нашему мнению, представляет рецензируемая монография Каарины Юлёнен «Подъем Ингерманландской церкви по окончании коммунистического правления». Выбор темы неслучаен: возрождение церкви, официально носящей наименование «Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии», произошло в последнее десятилетие столь стремительно и широко, что требует анализа.

К. Юлӛнен – теолог, что определяет характер исследования в целом, но ее работа, несомненно, представляет интерес для всех ученых, занимающихся современным положением ингерманландских финнов. Особенно существенно, на наш взгляд, то, что автор провел исследование на базе полевых материалов, собранных среди прихожан Ингерманландской церкви.

Работа состоит из восьми глав и обширного приложения, содержащего тексты рассылавшихся автором вопросников, а также результаты их анализа.

Из первой главы узнаем, что финские поселения возникли на южном побережье Финского залива и в южной части Карельского перешейка в начале XVII в., когда эти земли были захвачены Швецией, что было закреплено Столбовским миром 1617 г. В тексте договора они были названы Ингерманландией – термином, по смыслу соответствующим финскому «Инкеримаа» и русскому «Ижорская земля», или «Ингрия». Правда, отошедшая Швеции территория была обширнее, так как включала и часть Карелии – Северное Приладожье. Эти земли были возвращены России в ходе Северной войны уже в начале XVIII в.

В петровскую эпоху термин «Ингерманландия» быстро исчезает, так как земли по новому административному делению вошли в С.-Петербургскую губернию. В финском языке понятие «Ингрия» (Inkeri) сохранилось устойчиво, и живших в Петербургской губернии финнов называли «ингерцами» – «инкерияйсет» (inkeriläiset). В наши дни местные финны как самоназвание используют только этноним «финн» (suomalainen). Выражение «ингерманландский финн» употребляется ими лишь для уточнения своего происхождения. Следует отдать должное К. Юлӛнен: она, как нам представляется, первая среди финских ученых стала учитывать это обстоятельство. Она иногда пользуется термином «инкерияйнен», но чаще – «ингерманландский финн» или просто «финн». Там же, где исследовательница сопоставляет свои данные с материалами по финнам Финляндии, она пишет о последних – «финляндские финны» (с. 43). В русском языке термин «Ингрия» сохраняется в наши дни как исторический, он присутствует в названиях церкви и современных этнокультурных объединений финнов «Ингерские союзы» (Inkerin liitto).

Автор коротко освещает историю Ингерманландской церкви, сложившейся именно в связи с появлением в Ингрии финского лютеранского населения (до этого здесь обитали только православные: воль, ижора и русские), развитие последней в ходе веков до прекращения ее деятельности в 1938 г. Коротко освещены и судьбы местных финнов после революции; история их депортаций в годы советской власти и последующий распад этой в прошлом локально целостной общности на три основные группы: живущих в России, в Карелии и в Ленинградской обл., а также за рубежом, в Эстонии.

Коротко освещен процесс возрождения Ингерманландской церкви и ее регистрации в 1994 г. в качестве самостоятельной. К моменту, когда автор начала свои исследования, церковь имела уже 22 прихода.

Следующие главы работы К. Юлӛнен называются «Теоретические основы» (гл. 2) и «Задачи исследования, материал и методы» (гл. 3). В них излагаются задачи исследования, его стратегия, сведения об использованных материалах, в том числе и об обследованных приходах. Это, во-первых, Петрозаводский приход, самый ранний по времени возникновения. Он начал действовать с 1964 г. и относился тогда к лютеранской церкви Эстонии, а с 1970 г. зарегистрирован официально, и тогда же состоялась первая служба в церкви (с. 27). Кроме того, материалы собирались в Петербурге в приходе Св. Марии, интересном как приход в большом и многонациональном городе, в Колтушах (финн. Келтто), где живет значительная группа финского населения и, кроме того, находится духовная семинария Ингерманландской церкви. К. Юлӛнен работала также в приходах Скуоритса и Колпино (Гатчинский р-н); в последнем работает одна из тех церквей, где служба ведется на двух языках (финском и русском), так как молодежь не знает финского.

Основная задача исследования К. Юлӛнен – выяснить, почему и каким образом могло произойти столь быстрое возрождение Ингерманландской церкви. Поэтому она стремилась уточнить причины обращения к последней ее прихожан. Предварительно исследовательница выдвинула несколько гипотез: во-первых, стремление к своим прежним чертам идентичности; во-вторых, чисто религиозные побуждения, наконец, возможность стремлений социального характера, так как церковь – это место встреч с близкими по судьбам и происхождению людьми. Могли сыграть свою роль и какие-то материальные интересы. Но чем дальше шло исследование, тем более очевидным для автора становилось, что именно представление об Ингерманландской церкви как части традиционной культуры, как символе идентичности (лютеранство и финский язык) привлекало к ней большинство прихожан (с. 63).

Учитывая длительное вследствие насильственных переселений проживание ингерманландских финнов вдали от исконных мест обитания и в иноэтничном окружении, К. Юлӛнен подразделяет их по уровню ассимиляции на четыре группы: 1) неассимилированные моноязычные финны, знающие только родной язык; 2) неассимилированные двуязычные финны, считающие родным языком финский; 3) ассимилированные

двуязычные финны, считающие родным языком русский и 4) ассимилированные моноязычные финны, т.е. не знающие родного языка. Людей первой группы среди живущих в наши дни поколений российских финнов уже вряд ли можно встретить, что и подтвердила полевая работа автора (с. 76). Можно было бы добавить, что из двух следующих групп (2 и 3), согласно переписи 1989 г., финский родным языком считало лишь 35% российских финнов, а русский – 55%. Более точных сведений перепись не дает, но полевые материалы показывают, что младшие поколения вообще не знают финского языка, в том числе и те из них, кто, по официальным данным, значится как финн. Попытка автора подразделить финнов, знающих и не знающих родной язык, по принципу рождения – на родившихся в Ленинградской обл. (до репрессий) и родившихся после высылки, – на наш взгляд, не очень удачна. Период, в который происходили насильственные депортации, слишком велик – с 1930 по 1944 г. К тому же семья выезжала в ссылку с детьми разного возраста: одни были подростками, другие свою сознательную жизнь уже провели в иноэтничном окружении. Но это, конечно, детали.

В главе четвертой рассматриваются организационные основы современной Ингерманландской церкви, история ее выделения в качестве самостоятельной церкви (с 1994 г.), ее церковный закон, условия вступления в общину, обязанности прихожан и т.д. С наших позиций особенно интересен третий раздел главы, в котором автор рассматривает вопрос, можно ли считать Ингерманландскую церковь только конфессиональной или именно этнической, финской. Чтобы быть точными, следует сказать, что К. Юлёнен пользуется термином не этнической, а «народная» (*kansankirkko*) и вкладывает в него двойной смысл. Полагая, что до революции эта церковь была именно «народной», исследовательница исходит из двух позиций. Во-первых, что ее прихожанами были практически лишь местные финны, а во-вторых, что церковь охватывала весь ареал расселения финнов в Петербургской губернии, всю Ингрию, исключая немногие (*muutamia*) русские деревни (с. 117). Теперь же церковь Ингрии стала, по мнению автора, церковью «меньшинства». Судя по всему, К. Юлёнен заблуждается, следуя представлению, довольно широко бытующему в Финляндии, что этот край был заселен в прошлом чуть ли не одними финнами. Может быть, автора вводит в заблуждение карта приходов Ингерманландской церкви: они действительно покрывали всю территорию Петербургской губ. Но и в то время финны представляли этническое меньшинство и во всей губернии, и в ее отдельных уездах. По переписи 1897 г., в губернии финны составляли лишь 13% населения (а русские – 80%). В сельской местности финнов было больше – 15,5%, причем наиболее плотно они были расселены в Шлиссельбургском (43% населения), Царскосельском (35%) и Петербургском (33%) уездах. В остальных уездах их доля была много ниже, в Лужском они составляли лишь 0,8% населения. Таким образом, Ингерманландская церковь и в прошлом была церковью этнического меньшинства. Теперь, учитывая современное расселение ингерманландских финнов, она стала «церковью диаспоры» – автор применяет и этот термин, что, несомненно, удачнее. Но и сегодня, как подчеркивает К. Юлёнен, эта церковь в первую очередь объединяет именно российских финнов, и в ней поэтому царит особая атмосфера, отличающая ее от лютеранских церквей в Финляндии. Здесь число прихожан невелико, практически все знакомы друг с другом, ощутимо, что их объединяет не только общая вера, но и общность судеб (с. 121).

В пятой главе автор анализирует собранные ею материалы церковных архивов, в шестой главе – данные, полученные при опросах прихожан и с помощью анкет. Отметим лишь некоторые результаты. Статистические данные подтвердили, что основной контингент членов церкви – женщины (77%). По возрастным показателям первое место занимают прихожане 51–70 лет (80%), меньше всего молодых – до 30 лет (12%).

Национальная принадлежность в карточках членов общин, как правило, не отмечается, она оказалась записанной лишь в приходе Св. Марии в Петербурге. Там 79% прихожан составляли финны, 19% – русские и 2% – эстонцы, карелы и др. Опрос позволил уточнить, что «чисто русских» было лишь 8%, остальные же 11%, хотя и писали себя русскими, происходили из финских семей. В сельских приходах – Скуритса и Хиетамяки – все прихожане были финнами (с. 133 и сл.). Это подтверждает, что Ингерманландская церковь объединяет в основном местных финнов.

Работа в предконфирмационных школах позволила собрать интересные данные при непосредственном контакте с посещавшими их людьми. В прошлом посещение этих, обычно двухнедельных, школ было для молодежи обязательным для прохождения конфирмации. Причем этот обряд имел не только религиозный смысл, но и большое социальное значение: до конфирмации подросток считался «полувзрослым», «недоросшим». Хотя в наши дни посещение школы не является обязательным, $\frac{3}{4}$ опрошенных ее посещали. Часть опрошенных в 1945–1985 гг. ездила для прохождения конфирмации в Эстонию. Основам вероисповедания их обучали несколько пасторов, вернувшихся из ссылки, а то и просто миряне. Большинство

прихожан, по их словам, получало религиозное воспитание с детства – от родителей, бабушек и другой родни, а часто на них влияло и все окружение: практически все жители деревни были верующими. Только 20% опрошенных, родившихся в 1930–1970-е годы, сказали, что не получили в детстве религиозного воспитания, и лишь у четверых родители были атеистами.

Все посетители предконфирмационных школ были финнами или происходили из финских семей, но писались уже русскими.

В наши дни предконфирмационные школы посещают не только готовящиеся к конфирмации, но и взрослые, даже пожилые люди, которые стремятся пополнить свои знания в области веры, лучше изучить Библию и т.д. Посетители школ в основной массе считали, что Ингерманландская церковь представляет собой неотъемлемую часть их этнической культуры.

В восьмой заключительной главе подведены итоги проведенного исследования. Автор считает, что из выдвинутых ею гипотез о причинах быстрого возрождения церкви Ингрии подтвердилась та, что финны рассматривают последнюю как часть их традиционной культуры и она составляет неотъемлемый элемент их этнической идентификации. Это в целом характерно для старшего поколения и для какой-то части молодежи. Правильной оказалась и гипотеза о силе религиозных настроений ингерманландских финнов. Люди старшего поколения говорили, что вера помогла им выжить в условиях ссылки, когда только на Бога и можно было уповать (с. 295). Но о духовной потребности в вере говорили и представители младших поколений. Правильной оказалась и мысль о предпочтительности именно лютеранской церкви – это была вера их отцов и дедов.

Автор не забывает и о материальных предпосылках, требовавшихся для возрождения Ингерманландской церкви. Значительная часть церковных зданий была разрушена, другие использовались не по назначению и требовали капитального ремонта. Не было одеяний для священнослужителей, церковной утвари, духовной литературы. Церкви была оказана большая помощь из-за рубежа, в первую очередь со стороны Финляндии (с. 123).

В нашей достаточно подробной рецензии мы не останавливались на теологических основах церкви Ингрии, ее законах, структуре и других вопросах, которые интересовали К. Юлёнен как теолога. Мы осветили лишь проблемы этнокультурного возрождения ингерманландских финнов, что в целом, несомненно, удачно освещено автором.

Работа, однако, не лишена и недостатков и определенных ошибок. Во многом они объясняются теми стереотипными представлениями, которые укоренились у многих финляндских специалистов, занимающихся Ингрией, и возникли отчасти потому, что автор имела дело только с принадлежащими к церковным общинам финнами. Об одном из таких представлений мы уже упоминали выше: это мнение о преобладании финнов среди населения сельских местностей Петербургской губ. до 1917 г. Далее следует отметить, что автор очень легко употребляет слово «запрещен». Так, лютеранская церковь в СССР никогда не была «запрещена» (с. 197), как пишет автор, «в то время как православная могла действовать». Реально, правда, лютеранская церковь работала лишь в Эстонии, Латвии и в больших городах страны. Еще более неудачна формулировка, что финский язык было «запрещено употреблять публично» (с. 136). Такого запрета никогда не существовало, а в Карелии финский язык всегда был вторым официальным языком.

На наш взгляд, представляется мало критическим отношение исследовательницы к противопоставлению финского населения Ингрии местному русскому населению, в окружении которого оно жило. Пример тому – приводимая автором «сказочка о Сказочной стране» (Ингрии), где жили трудолюбивые, честные, верующие и трезвые люди, отличающиеся от русского окружения, лишенного этих добродетелей. Автор замечает лишь, что для этнических меньшинств характерно такое «положительное» отношение как к себе, так и к окружению. Столь же некритично автор относится и к тому, что на ранних этапах восстановления Ингерманландская церковь ставила определенный барьер для приема в свои общины «инородцев» – в том числе и русских супругов из смешанных финско-русских семей, и даже финнов, не владеющих финским языком (с. 119). А ведь такая установка противоречит высоким моральным идеалам христианской церкви. К счастью, церковь Ингрии в конце концов не пошла по этому пути.

И.В. Шлыгина